

ИСПЫТАНИЯ НАУЧНОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

А.Н. Дмитриев

ОТ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА К СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУКИ¹

Первая мировая война оказалась важнейшим рубежом в развитии науки особенно в плоскости ее институционального строительства и международной кооперации. Эта перемена также связана с трансформацией российской науки в науку советскую, вместе с изменением самого контекста европейского и мирового научного развития. Дальнейший анализ этих сдвигов будет строиться в рамках настоящей статьи преимущественно вокруг российских (советских) сюжетов и обстоятельств, поскольку именно здесь общие тенденции послевоенного развития проявились весьма рельефным и своеобразным образом. Сама проблематика научного интернационализма может рассматриваться в трех взаимосвязанных аспектах — когнитивном, организационном и практическом²:

1. с точки зрения принципиального единства науки как абстрактной совокупности знаний и техник их получения и проверки, независимо от национального контекста;

¹ Данное исследование подготовлено при финансовой поддержке фонда Герды Хенкель (ФРГ), программа поддержки молодых исследователей в области истории в странах России, Украины, Белоруссии и Молдавии, проект № 01/SR/02.

² Отчасти схожим образом выделяют три сферы нормативной «транснациональности», организационно-коммуникативной «интернационализации» и «универсализма» в определении значимости исследовательских результатов авторы наиболее детального историко-методологического очерка проблемы научного интернационализма: *Danneberg L., Schönert J. Zur Transnationalität und Internationalisierung von Wissenschaft // Wie international ist die Literaturwissenschaft? Stuttgart, 1996. S. 7–86, особенно S. 13.*

2. со стороны организационных структур межнационального взаимодействия — от сотрудничества академий и университетов до системы книгообмена, командировок и т.д. (именно этот аспект сотрудничества наиболее хорошо представлен источниками и в первую очередь исследуется историками науки);
3. в синтезирующей оба этих момента и исходной для них форме «непосредственной» научной кооперации, связанной с вовлечением в развитие научных исследований интеллектуальных и социальных ресурсов разного национального происхождения (от индекса цитирования до совместных проектов)³.

События войны оказались жестоким испытанием именно для идеалов бескорыстного и нейтрального научного исследования по ту сторону всех национальных, классовых и т.п. границ — для представлений, свойственных позитивистскому мировоззрению «*belle époque*». Война изменила, прежде всего, веру в возможность хотя бы гипотетической реализации идеала «транснационального научного сообщества» (п. 1) и обусловила коренную реконструкцию всей системы международных научных организаций и мероприятий (п. 2), что с необходимостью сказалось и на уровне, и характере международного сотрудничества. И самое главное: в ходе войны трансформировался характер связи научных исследований с политическим и социальным развитием, а значит и с национально-государственным фактором в принципе⁴. Интернаци-

³ Именно в этом содержательном пункте межнациональный контекст научной работы чрезвычайно вариативен в зависимости от страны, периода и дисциплины, а компаративные исследования невозможны без серьезной проработки этого первичного материала. В качестве удачных примеров укажем, например: *Fell U.* Disziplin, Profession und Nation: Die Ideologie der Chemie in Frankreich vom Zweiten Kaiserreich bis in die Zwischenkriegszeit. Leipzig, 2000 (с обширной библиографией) и *Kevles D.* The Physicists. New York, 1978. P. 116–154 (гл. 9, 10); *Nye M. J.* Before Big Science. The Pursuit of Modern Chemistry and Physics, 1800–1940. London, 1996. P. 189–224 (глава 7 о национализме и интернационализме в создании науки об атомном ядре в 1914–1940 гг.); *Mehrtens H.* Mathematics and War: Germany, 1900–1945 // National Military Establishments and the Advancement of Science and Technology. Studies in 20th Century History / Eds. P. Forman, and J. M. Sanchez-Ron. Dordrecht; Boston; London, 1996. P. 87–134.

⁴ Общее рассмотрение темы национализма и интернационализма в науке см.: *Crawford E., Sinn T., Sörlin S.* The Nationalisation and Denationalisation of Science: An Introductory Essay // Denationalizing Science. The Context of

ональные стороны научной кооперации на уровне непосредственного исследования во все большей степени стали зависеть от организационных систем сотрудничества и их государственного регулирования. Как отметил американский историк французской науки Г. Поль: «Не использование науки и технологии в военных целях было новым в Первой мировой войне, но характер и число произошедших изменений, по-видимому достаточных, чтобы превратить предыдущие отношения в своего рода доисторическую эпоху. Беспорядочность сменилась институционализацией, случайность консультаций — регулярностью и постоянными запросами, а зависимость от прорывных открытий — безостановочными улучшениями существующих технологий. Технологический прорыв Первой мировой войны не был чисто техническим»⁵.

Между тем обозначенное в заголовке данной статьи изменение системы межнациональных научных связей не было абсолютным разрывом, но содержало также важные моменты преемственности⁶. Современные исследования международных научных связей уже для рубежа XIX–XX вв. рисуют картину столкновения интересов, борьбы за научную гегемонию и национально окрашенного соперничества (особенно в германо-французских отношениях), а не абсолютной гармонии и полной открытости⁷. Во многом период до 1914 г. в качестве идеала

International Scientific Practice. Dordrecht, 1993. P. 1–52. На примере социальных наук растущую связь с задачами государственного регулирования в XX столетии подробно описывает П. Вагнер: *Wagner P. Sozialwissenschaft und Staat. Frankreich, Italien, Deutschland 1870–1980*. New York, 1990. К сожалению, нам остался недоступен сборник: *Internationalism and Science* / Eds. A. Elzinga, C. Landström. Los Angeles, 1996.

⁵ *Paul H. From Knowledge to Power. The Rise of Scientific Empire in France, 1860–1939*. Berkley, 1985. P. 322. Для сравнения достаточно обратиться к влиянию и техническим новациям Франко-прусской войны: *Crosland M. Science and Franco-Prussian War* // *Social Studies Science*. 1976. Vol. 6. № 2. P. 185–214; особенно: P. 206–209.

⁶ *Crawford E. The Universe of International Science, 1880–1939* // *Solomon's House Revisited: The Organisation and Institutionalisation of Science* / Ed. by T. Frängsmyr. Canton, 1990. P. 251–269.

⁷ Особенно детально это показано в статьях и диссертации Анн Расмуссен: *Rasmussen A. Jalons pour une histoire des congrès internationaux au XIXe siècle: Régulation scientifique et propagande intellectuelle* // *Relations internationales*, n 62, été 1990. P. 115–133; *Idem. A la recherche d'une lange internationale*

межнационального научного сотрудничества и взаимодействия мог быть увиден только в ностальгической ретроспективе, после пожара библиотеки Лувенского университета и публичных кампаний организованного неприятия «вражеской» науки и культуры. Здесь необходимо подчеркнуть также специфику восприятия российскими учеными (в пору их студенческих стажировок или позднейших научных поездок) «Запада» или «Европы» как, в конечном счете, единого целого, по отношению к которому все тамошние внутринациональные различия и противоречия вторичны, малосущественны и даже малопонятны⁸. Таким образом, отечественные исследователи видели европейскую «республику знаний» более интернациональной, чем она была: отсюда удивление и неприятие многими из них той взаимной враждебности, например, немецких и французских коллег, с которой они сталкивались, попадая в Европу уже в 1920-е гг. в качестве эмигрантов или командированных⁹.

de la science 1880–1914 // Sciences et langues en Europe / Sous la dir. R. Chartier, P. Corsi. Paris, 1996. P. 139–155; *Rasmussen A.* L'internationalite scientifique (1890–1914). Thèse de doctorat. Paris, 1995. Важный внешнеполитический аспект соперничества затронут также в: *Peayenson L.* Cultural Imperialism and Exact Sciences: German Expansion Overseas, 1900–1930. New York, 1985; *Kirchberger U.* Deutsche Naturwissenschaftler im britischen Empire. Die Erforschung der außereuropäischen Welt im Spannungsfeld zwischen deutschem und britischem Imperialismus // *Historische Zeitschrift*. 2000. Bd. 271. N. 3. S. 621–660; и др.

⁸ См.: *Иванов А.Е.* Российское студенческое зарубежье. Конец XIX – нач. XX вв. // *ВИЕТ*. 1998. № 1; *Щапов Н.Я.* Русские студенты в западноевропейской высшей школе в начале XX в. // *Исторические записки*. 1987. Т. 115. Общий очерк см.: *Karady V.* La république des lettres des temps modernes. L'internationalisation des marchés universitaires occidentaux avant la Grande Guerre // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1998. N 121–122. Mars. О взгляде с немецкой стороны см.: *Wertheimer J.* The «Auslaendersfrage» at Institution of Higher Learning: A Controversy Over Russian-Jewish Students in Imperial Germany // *Leo Baeck Institute Yearbook XXVII*. 1982. S. 187–218.

⁹ См. письмо Ф.И. Щербатского С.Ф. Ольденбургу 25 марта 1921 г. из Упсалы: «...оказывается, есть еще и другая опасность, нужно быть свободным от подозрения сочувствия к Бошам [...] По-видимому, нам приходится выбирать: или работать в контакте с немцами, или с англо-французами. Пока приходится лавировать и сочинять». Цит. по: *Тункина И.В.* М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // *Скифский роман*. Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С 119. прим. 115. О позиции французских ученых по отношению к Германии глазами русского ученого-историка см.: *Добиаш-*

Одним из самых ярких пропагандистских эпизодов начавшейся войны был обмен коллективными воззваниями интеллектуалов (ученых, писателей и художников) с обоснованием прав и притязаний своей нации и культуры против устремлений и планов противника¹⁰. Другой формой «мобилизации духа» было участие в многочисленных комитетах, сборниках и общественных компаниях университетских профессоров и известных исследователей — как в странах Антанты, так и в центрально-европейских державах¹¹. Эти умонастроения получили также легитимацию и в тезисе знаменитого французского физика Пьера Дюгема о существовании определенных национальных стилей в науке (в своих статьях военного времени он противопоставлял рациональную и экспериментальную французскую науку немецкому «абстрактному геометризму»¹². За исключением воинствующих славянофилов вроде В.Ф. Эрна или С.Н. Булгакова, большинство российских ученых после эйфории лета — осени 1914 г. видели в войне на стороне Англии и Франции перспективу демократизации внутреннего строя империи и укрепления контактов с либеральными академическими кругами этих государств. Так, в статьях Н.К. Кольцова или проектах М.И. Ростовцева 1915–1918 гг. под-

Рождественская О.А. Впечатления академического Парижа // *Анналы*. 1922. Кн. 2. С. 33.

¹⁰ Полнее и детальнее события 1914–1918 гг. освещены в нашей работе: *Dmitriev A. N.* La mobilisation intellectuelle (La communauté académique internationale et la Première Guerre mondiale) // *Cahiers du Monde Russe, Soviétique et Post-Soviétique*. 2002. Vol. 43. № 4. P. 617–644.

¹¹ Особенно печально известным стало обращение «К культурному миру», подписанное 93-мя ведущими профессорами и писателями Германии. *Brokke B. vom* «Wissenschaft und Militarismus» Der Aufruf der «An die Kulturwelt!» und der Zusammenbruch der internationalen Gelehrtenrepublik im Ersten Weltkrieg // *Wilamowitz nach 50 Jahren* / Hg. Von. W.M. Calder III. Darmstadt, 1985. S. 647–719; *Ungern-Sternberg von J. und W.* Der Aufruf «An die Kulturwelt!». Das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1996. О России см.: *Maurer Trude.* Der Krieg der Professoren. Russische Antworten auf den deutschen Aufruf «An die Kulturwelt!» // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 2004. № I. S. 221–247.

¹² *Paul H.* The Sorcerer Apprentice. The French Scientist's Image of German Science, 1870–1919. Gainesville, 1972. P. 54–76. Попытка по новому подойти к проблеме национального стиля в науке представлена в: *Harwood J.* Styles of Scientific Thought. The German Genetic Community. 1900–1933. Chicago and London, 1993. P. 138–180 (гл. 4: об американском и немецком стилях научно-го исследования в биологии).

черкивался стратегический характер этой ориентации на англо-французское научное и культурное сообщество¹³: идея переводов новейших работ, проведения конференций совместно с союзниками, а также создания целого ряда посредничающих институтов, вроде Французского института в Петербурге, выдвинутая Ростовцевым¹⁴. Необходимость мобилизации ресурсов страны позволила преодолеть прежние политические или элитаристские ограничения академической и образовательной системы: начали проводиться в жизнь реформаторские начинания министра П.Н. Игнатъева о расширении географической сети университетов и принятии нового, более либерального устава¹⁵, а в рамках Академии наук создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС), по образцу которой уже после 1917 г. стали складываться специализированные научно-исследовательские институты. Все эти преобразования (примером для системы НИИ было, безусловно, немецкое Общество кайзера Вильгельма) продолжились на новой идеологической основе и в соединении с принципом демократизации уже большевистским руководством¹⁶.

Для современного историка науки, знакомого с ситуацией в международном академическом сообществе после Первой мировой войны, весьма парадоксально и даже вызывающе прозвучат слова физика и писателя Ч.П. Сноу: «Мир науки 20-х годов был настолько близок

¹³ *Кольцов Н.К.* Отражение войны в научно-популярных журналах Англии и Америки // *Природа*. 1915 № 1. Стб. 155–164 (где подчеркивалась необходимость дистанцироваться от психоза первых месяцев или попыток полного бойкота немецкой науки); *Он же.* Национальная организация науки // *Природа*. 1915. Июль – август. Стб. 1018–1040; *Ростовцев М.И.* Международное научное общение // *Русская мысль*. 1916. № 3. С. 74–81 (отметим поставленную им проблему расширения круга ведущих научных держав и языков соответственно).

¹⁴ Скифский роман. С. 89 (о проекте Русского института в Париже осени 1917 г.). С. 464–465 (Меморандум для комитета по русским делам при Министерстве пропаганды Великобритании и письмо Ростовцева А.В. Тирковой от 8 октября 1918 г.).

¹⁵ *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. С. 168–171, 184–187. Проект Устава, предложенного Игнатъевым: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1652.

¹⁶ *Graham L.* The Formation of Soviet Research Institutes: A Combination of Revolutionary Innovation and International Borrowing // *Social Studies of Science*. 1975. Vol. 5. P. 303–329.

к идеальному интернациональному сообществу, насколько это вообще возможно... Научная атмосфера 20-х гг. была насыщена доброжелательством и великодушием, и люди, которые в нее окунались, невольно становились лучше. Тот, кто в те годы провел хотя бы неделю в Кембридже, Геттингене или в Копенгагене, знает это по собственному опыту»¹⁷. Между тем эта открытость на «практическом», третьем из выделенных нами уровней научного интернационализма, хотя и легитимировалась «транснациональной» идеологией науки по ту сторону государственных границ, но все же обеспечивалась именно организационной структурой национальных сообществ и сетью международных институтов. Именно поэтому в дальнейшем нами будет уделено особое внимание деятельности международных научных союзов и межгосударственной научной политике. Всепроникающая и мобилизующая роль государства в научной сфере особенно ярко проявилась именно в межвоенный период, с окончательной консолидацией и замыканием национальных дисциплинарных сообществ. В частности, именно поэтому государственный союз «парий Версаля» — Советской России и Веймарской Германии, начиная с Рапальского договора 1922 г. оказался так легко дополнен тесным сотрудничеством ученых кругов, которые еще недавно безраздельно поддерживали курс на войну до победного конца друг против друга. Специфика отношений отечественных ученых к недавним врагам и, в связи с этим, к организационным вопросам международного научного сотрудничества, будут далее рассмотрены наиболее детально¹⁸.

* * *

Начало войны было отмечено прекращением работы большинства международных научных ассоциаций и обществ, в первую очередь созданной в 1899 г. Международной ассоциации академий, под эгидой которой осуществлялся целый ряд важных интернациональных научных проектов.¹⁹ Уже осенью 1914 г. Прусская королевская академия пред-

¹⁷ *Сноу Ч.П.* Портреты и размышления. М., 1985. С. 285.

¹⁸ См.: Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Под. ред. Э.И. Колчинского. СПб., 2001.

¹⁹ *Басафгина Е.Ю.* Петербургская Академия наук и Международная ассоциация академий // Петербургская Академия наук в истории академий мира: Материалы международной конференции. СПб., 1999. Т. II. С. 176–179; *Alter P.* The Royal Society and the International Association of Academies,

ложила Амстердамской академии (как расположенной в нейтральной стране) передать на время войны свои функции председательствующей в ассоциации; та согласилась, но при условии одобрения этого шага со стороны ведущих научных учреждений Англии, Франции и России. Императорская академия наук в Петрограде²⁰ и Королевское общество в Лондоне ответили положительно, однако Французская академия наук отказалась на период войны поддерживать как прямые, так и косвенные отношения с академиями Германии, и де-факто Международная ассоциация академий перестала существовать²¹. Вместо нее (после предварительного совещания осенью 1918 г.) в июле 1919 г. в Брюсселе был создан Международный совет исследований, с тавший частью Лиги Наций (ведущую роль в нем играли представители Франции и Бельгии)²². В отличие от рыхлой ассоциации, призванной согласовывать проведение научных работ, выходящих за пределы компетенции национальных академий, и организовывать конгрессы по отдельным дисциплинам, МСИ объединил на централизованных нача-

1897–1919 // Notes and Records of Royal Society. London. 1979. № 3–4. P. 333 и след.

²⁰ Под непосредственным давлением правительства, согласно высочайше утвержденному заключению Совета министров от 31 октября 1914 г., из Академии 4 марта 1915 г. были фактически исключены те члены, которые подписали в октябре 1914 г. печально знаменитое «Воззвание 93-х», а 6 (19) февраля 1916 г. — списком и без посылки соответствующих извещений — и все подданные Германии и Австро-Венгрии, кроме лиц славянского происхождения (всего 51 чел.). См.: *Виноградов Ю.А.* Германские ученые — члены Императорской Академии наук и Первая мировая война // Петербургская Академия наук в истории академий мира: Материалы международной конференции. СПб., 1999. Т. III. С. 45–51; о сходных действиях университетского сообщества см.: *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие» в годы Второй отечественной войны // ВИАТ. 1999. № 2. С. 61–62.

²¹ См.: *Grau C.* Die Preussische Akademie und die Wiederanknüpfung internationalen Wissenschaftskontakte nach 1918 // Hg. W. Fischer Die Preussische Akademie der Wissenschaft zu Berlin 1914–1945. Berlin, 2000. S. 279–315; *MacLeod R.* Der wissenschaftliche Internationalismus in der Krise. Die Akademien der Alliierten und ihre Reaktion (Reaktionen) auf den Ersten Weltkrieg // Ibid. S. 317–349.

²² О предыстории создания МСИ: *Kevles D.J.* «Into Hostile Political Camps»: The Reorganisation of International Science in World War I // ISIS. Vol. 62. Part. 1. Spring 1971. P. 47–60. О его деятельности подробнее: *Cock A.* Chauvinism and Internationalism in Science: The International Research Council, 1919–1926 // Notes and Records of Royal Society, London. 1983. Vol. 37. № 2. P. 249–288.

лах сеть специализированных научных союзов в естественных науках. К работе последних (согласно уставу МСИ) не допускались научные общества стран, воевавших в 1914–1918 гг. против держав Антанты, т.е. ученые Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии и Турции. Сходной была и организационная структура Международного академического союза, объединяющего с 1919 г. научные ассоциации по гуманитарным специальностям. В начале 1920-х гг. оказавшиеся в эмиграции историки М.И. Ростовцев и П.Г. Виноградов в качестве представителей Российской академии наук участвовали в заседаниях Международного академического союза. Находившийся в заграничной командировке академик Ф.И. Щербатской сообщил в начале 1922 г. С.Ф. Ольденбургу о том, что он с помощью советского представителя Л.Б. Красина внес членский взнос за Россию за два года, однако вследствие анти-советской и «антисоглашательской» позиции Ростовцева (и выбора Виноградова в пользу представительства английской науки) вопрос об участии России в Международном академическом союзе фактически более не поднимался²³.

Когда в первой половине 1920-х гг. встал вопрос о возобновлении на организационном уровне прерванных в 1914 г. международных контактов, российское научное сообщество по примеру академий нейтральных стран (Голландии и Дании) стремилось наладить связи с двумя соперничающими группировками — как с МСИ, так и с картелем пяти немецких академий, пытавшихся сохранить формально не ликвидированную систему Международной ассоциации академий. Вопрос об отношении к международным научным объединениям был поставлен в практическую плоскость летом 1924 г. на последнем заседании Особого временного комитета науки в связи с приглашением советских ученых участвовать в работе Союза геодезии и геофизики, особенно по отделу сейсмологии. Вице-президент Академии наук В.А. Стеклов, особой заботой которого было восстановление сети сейсмических станций на территории СССР, подготовил еще в феврале 1924 г. специальную записку на имя председателя Совнаркома А.И. Рыкова, где одновременно ставил два взаимосвязанных вопроса — о вступлении в МСИ и об образовании в

²³ См. письмо Ф.И. Щербатского С.Ф. Ольденбургу 17 мая 1921 г. из Берлина: «По-видимому, французы совсем неспособны, так же как и наши эмигранты, видеть науку вне политики, а их антинемецкая и полонофильская политика доходит до таких геркулесовых столбов, что нам с ними совсем не по пути» (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1919. Д. 6. Л. 35 об.).

связи с этим общесоюзного координирующего органа — постоянного комитета науки при Совнаркомом СССР, поскольку «при содействии такого комитета Академия наук могла бы вступать в международные организации не как отдельное учреждение, а как представительница союзных республик, т.е. не только она одна, но и само государство СССР вошло бы в число стран, объединяемых в Международный совет и различные союзы»²⁴. Хотя на этом заседании и было принято постановление о желательности вступления в МСИ²⁵, это решение так и не вступило в силу в первую очередь из-за учета позиции германской науки. Кроме того, поскольку СССР не входил в Лигу Наций, политический характер устава МСИ способствовал проявлению чувства солидарности к «бойкотируемой» немецкой науке, в том числе и со стороны официальных правительственных инстанций. Как позднее указывал Ольденбург, при обсуждении этого вопроса «Наркоминдел заявил, что он со своей стороны считает невозможным вступление в Международный исследовательский совет научных учреждений нашего Союза до тех пор, пока не будут изменены соответствующие пункты статута данного союза»²⁶. Соответствующее обращение, посланное к руководству МСИ по поводу пересмотра дискриминационных пунктов его устава, отправленное Ольденбургом еще в конце 1924 г., осталось без ответа²⁷.

Международная изоляция немецкой науки в первой половине 1920-х гг. не только подразумевала невозможность ее участия в работе обществ и ассоциаций, объединяемых в МСИ, но также выражалась в исключении немецкого языка из круга международного академического общения, в бойкоте немецких работ в периодике стран-победителей, переносе работ по реферированию и международной библиографии научных публикаций за пределы Германии²⁸. Особенно болезненным было неприглашение немецких ученых на большинство международных научных съездов и конгрессов до середины 1920-х гг. Так, в официальном правительственном меморандуме «Немецкая наука и загра-

²⁴ ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 136. Л. 104.

²⁵ Там же. Л. 96.

²⁶ Из выступления на заседании Комиссии по содействию работам Академии наук 16 декабря 1926 г. (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 5. Л. 131).

²⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 62. Л. 1.

²⁸ См.: *Schröder-Gudebus B. Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit*. Geneve, 1966. S. 111–120.

ница» (январь 1925 г.) приводились следующие данные за 1922–1924 гг. по соотношению количества проведенных без участия Германии международных конгрессов к общему их числу: по общественным и естественным наукам — 51 из 57, по техническим — 17 из 20, по вспомогательным — 16 из 21²⁹. В Германии существовало и противоположное течение, стремившееся организовать систему контрбойкота: в 1923 г. руководитель Национального центра научного реферирования и один из лидеров Союза немецких преподавателей высшей школы Карл Керкхоф даже предложил вообще не посылать делегатов из Германии на международные научные конгрессы и выйти из тех организаций, где было разрешено членство Германии (включая Международный комитет мер и весов). Однако большинство немецких научных организаций не поддержало это предложение (включая Общество помощи немецкой науки, притом, что Общество кайзера Вильгельма воздержалось)³⁰. Режим наибольшего благоприятствования для статей из близких к Германии стран (вроде Советского Союза) в специализированных журналах дополнялся тем, что публикации авторов из стран бывшей Антанты были весьма редки. Так, появление работы индийца Ш. Бозе на страницах «*Zeitschrift für Physik*» в 1924 г. стало причиной скандала и раскола в Немецком физическом обществе, и большинство сходилось на том, что в немецком журнале не должны публиковаться английские статьи³¹.

Несомненное влияние на то, чтобы отложить вступление СССР в послевоенные интернациональные научные объединения, оказали события, связанные с 200-летним юбилеем Академии наук (тогда же она, наконец, получила статус Всесоюзной). Инициатива С.Ф. Ольденбурга и В.А. Стеклова по приглашению делегаций иностранных ученых, поддержанная НКВД в лице Г.В. Чичерина, была одобрена Политбюро

²⁹ *Космач В. А.* Советская Россия в германской внешней культурной политике в годы Веймарской республики (1919–1933 гг.) // Россия и Германия. М., 1998. Вып. 1. С. 263. — Этот меморандум был также известен и в соответствующих советских инстанциях (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 61. Л. 102).

³⁰ *Heilbron J.L.* The Dilemmas of Upright Man. Max Planck as Spokesman for German Science. Berkeley: 1986. P. 108–109. О немецкой позиции детальней: *Schröder-Gudebus B.* Internationale Wissenschaftsbeziehungen und auswärtige Kulturpolitik 1919–1933. Vom Boykott und Gegenboykott zu ihrer Wiederaufnahme // Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft: Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm/Max-Planck-Gesellschaft. Stuttgart, 1990. S. 858–885.

³¹ *Иоффе А.Ф.* Встречи с физиками: Мои воспоминания о зарубежных физиках. Л., 1983. С. 69.

ЦК РКП(б) ввиду важности международных научных контактов для дипломатического признания Советского государства на Западе (приглашение чешского президента Я. Масарика, французского премьера Пенлеве)³². Показательно, что Германия была представлена делегацией из 28 человек, включая руководителей крупнейших научных учреждений, в то время как Французская академия наук официально отклонила приглашение для участия в юбилее³³. В то же время делегаты от США и Италии, поддержанные учеными нейтральных стран, предложили Академии наук совместные действия по пересмотру устава МСИ в смысле допущения к его работам представителей всех без исключения государств, и, прежде всего, Германии³⁴. Вопрос о содействии возвращению международного статуса и равноправия немецкой науки (предположительно в виде возврата к довоенной ассоциации академий) стал предметом переговоров руководства Академии наук в ходе зарубежных командировок В.А. Стеклова (по поручению А.И. Рыкова) осенью 1925 г.³⁵ и С.Ф. Ольденбурга летом 1926 г.³⁶ Уже через месяц после юбилейных торжеств, в начале октября 1925 г., достигнутые договоренности были закреплены во время визита в Германию Н.П. Горбунова в ходе его бесед с руководителем Общества помощи немецкой науке Ф. Шмидт-Оттом. Горбунов сообщал своему заместителю И.И. Ирошникову, что встретил со стороны немцев «чрезвычайно сочувственное отношение», отмечая: «Самое трудное — Франция с ее реакционнейшей академией. Но Франция особенно важна, так как фактически в ее руках важнейшие международные организации, су-

³² *Сорокина М.Ю.* «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика–Якобсона» // In *Memoriam А.И. Добкина. М., 2000; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) ВКП(б) – КПСС. 1922–1991. 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С. 36–40.*

³³ На заседании Академии моральных и политических наук экс-президент Франции А.Е. Мильеран зачитал якобы «прогерманские» отрывки из недавно опубликованной книги Ольденбурга «Европа в сумерках» (*Сорокина М.Ю.* «Придать... импозантный характер» // *Природа. 1999. № 12. С. 64–65.*)

³⁴ Это предложение было одобрено на заседании Комиссии СНК по содействию организации 200-летнего юбилея АН СССР (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 62. Л. 6).

³⁵ И.И. Ирошников – В. А. Стеклову от 9 октября 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 29. Л. 1,4.

³⁶ В.А. Стеклов – в Управление делами СНК СССР от 13 февраля 1926 г. // Там же. Л. 67–67 об.

ществование которых в современном виде является огромным тормозом в установлении настоящих, а не формальных научных связей»³⁷.

Формальные препятствия для вступления Германии в МСИ исчезли после изменения на его чрезвычайной сессии в июле 1926 г. устава совета, что также было связано с приемом Германии в Лигу Наций и общим курсом на «возвращение» ее в Европу. Однако, поскольку МСИ оставался в глазах большинства ученых Германии организацией бойкота немецкой науки, меморандум картеля германских академий от 20 мая 1927 г. фактически свидетельствовал о стремлении ограничиться сотрудничеством отдельных исследователей в рамках союзов по специальности без патронажа особой наднациональной организации³⁸. Кроме того, принцип «одна страна — один голос» в руководстве МСИ привел бы к тому, что Германия (с ее пятью академиями и многовековыми научными традициями) располагала бы в нем такими же правами, как Бразилия или Сиам. На этот излишне бюрократический и централизованно-политический характер МСИ указывал в 1927 г. в Берлине в беседе с сейсмологом П.М. Никифоровым непреременный секретарь Берлинской академии Макс Планк³⁹. Когда в декабре 1926 г. на Комиссии по содействию работам Академии наук при СНК во главе с А.С. Енукидзе обсуждался вопрос о формах международного научного сотрудничества, Ольденбург подчеркивал, что в условиях фактического прекращения деятельности Международной ассоциации академий и ограничительного характера Международного совета исследований будущее стоит за новым, третьим типом организации. Хотя со времени изменения устава МСИ прошло почти полгода, Академия наук СССР никакого официального извещения об этом не получила, что Ольденбург объяснял германофобскими и, вероятно, советофобскими предубеждениями генерального секретаря МСИ астронома Артура Шустера⁴⁰. Тем не менее, по получении такого сообщения на

³⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 62. Л. 18; Ср.: *Соболев В.С.* Для будущего России. СПб., 1999. С. 80–81.

³⁸ *Schröder-Gudebus B.* Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit. Geneve, 1966. S. 258.

³⁹ Отчет зав. сейсмическим отделом Физико-математического института П.М. Никифорова о заграничной командировке от 31 декабря 1927 г. см.: ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 5. Д. 20. Л. 104об.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 5. Л. 130. — На самом деле позиция А. Шустера — немца по происхождению — по отношению к вопросу о приеме Германии в МСИ была, скорее, позитивной (*Cock A.* Chauvinism and Internationalism in

Общем собрании Академии наук СССР 7 мая 1927 г. было признано, «что в настоящее время принципиальных препятствий к вступлению Академии наук в состав Research Council не имеется»⁴¹.

Во время Недели советских естествоиспытателей в Берлине в 1927 г., когда затрагивался вопрос о вхождении в МСИ, отношение немцев к этой организации оставалось отрицательным, но в целом к проблеме систематического научного представительства ввиду невозможности охватить все стороны сотрудничества случайными связями было решено подходить пока в форме конкретных отдельных начинаний⁴². Составленная в конце 1927 г. Ольденбургом записка о международных научных объединениях и отношении НКИД Горбунову от 13 января 1928 г., подписанное М.М. Литвиновым, предполагали участие в международных научных объединениях под эгидой МСИ без разрешения пока вопроса о вхождении в совет впредь до согласования его с Германией⁴³. С другой стороны, ввиду провала плана расширения МСИ за счет вхождения в него центральных держав, на заседании комиссии Енукидзе от 26 января 1928 г. было решено вновь поставить перед иностранными научными учреждениями путем предварительных переговоров вопрос о возобновлении деятельности довоенной Международной ассоциации академий⁴⁴. На этом же заседании было признано возможным участие в деловой работе Международного союза по геодезии и геофизике, Международного астрономического союза, а также Постоянного комитета исторических наук, относящегося к ведению Международного академического союза по гуманитарным наукам (вступление в который было также обусловлено вхождением в него научных учреждений стран Центральной Европы)⁴⁵. В целом, советская сторона при вопросе о вступлении в МСИ даже после изменения его устава последовательно ориентировалась на поведение немецких ученых, притом мнение

Science: The International Research Council, 1919–1926 // Notes and Records of Royal Society, London. 1983. Vol. 37. № 2. P. 269.

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 176. Л. 82об.

⁴² Материалы к докладу А.Е. Ферсмана по вопросу о международных научных связях на заседании Комиссии по содействию работам Академии наук от 7 июля 1927 г. (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 6. Л. 128–128об.).

⁴³ ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 5. Д. 20. Л. 99 и след., 113 об.

⁴⁴ Там же. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 62. Л. 151.

⁴⁵ Там же. Д. 6. Л. 119–119об.; см. также: Организация советской науки в 1926–1932 гг. Л., 1972. С. 155.

последних обычно представляло Общество по изучению Восточной Европы. Именно на мнение его генерального секретаря Г. Ионаса опирался экономическо-правовой отдел НКВД, указывая в письме в Отдел научных учреждений СНК СССР от 13 сентября 1928 г.: «Нам не следует обсуждать вопрос о вхождении в названный совет до тех пор, пока германские ученые практически не осуществят своего участия в совете, так как наше вхождение в настоящее время было бы истолковано как нелояльный по отношению к Германии шаг, имея в виду, что недопущение Германии в совет было вызвано версальскими настроениями»⁴⁶. Хотя начиная с 1926–1927 гг. представители Германии участвуют в большинстве международных конгрессов, а немецкие научные союзы активно работают в международных объединениях в таких актуальных для сотрудничества областях, как геодезия и геофизика, чистая и прикладная химия и астрономия⁴⁷, но официальное вхождение германских и советских обществ в соответствующие ассоциации будет происходить уже позднее (полностью и формально — уже после 1945 г.)⁴⁸. Весьма проблематичным было также сотрудничество немецких и советских ученых в рамках Международной комиссии интеллектуальной кооперации (созданной в 1922 г.) и одноименного института в Париже, работавших в тесной взаимосвязи с Лигой Наций и французским правительством⁴⁹. Их основные усилия были направлены на усовершенствование международной библиографической системы, координацию деятельности международного книгообмена, унификацию научной терминологии и научно-технической документации⁵⁰. В деятельности комиссии принимали участие А. Эйнштейн, пользовавшийся еще со времен войны репутацией пацифиста и противника всякого рода шовинизма, а с советской стороны — А.В. Луначарский.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 62. Л. 102.

⁴⁷ *Schröder-Gudebus B.* Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit. S. 112, 262–264.

⁴⁸ *Митрякова Н.М.* Международные научные связи Академии наук СССР в 30-е годы // История СССР. 1974. № 3; см. также весьма общий очерк: *Greenaway Fr.* Science International. A History of the International Council of Scientific Union. Cambidge (Mass.), 1996. Гл. 1.

⁴⁹ *Schröder-Gudebus B.* Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit. S. 136–179.

⁵⁰ *Фокин В.И.* Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е годы. СПб., 1999. С. 51.

Однако помимо сотрудничества (зачастую достаточно формального и организационно малоэффективного) на уровне международных академических организаций после Первой мировой войны должна была наладиться и прежняя система каналов интернациональной научной коммуникации: книгообмена, переводов / реферирования (а здесь итоги послевоенного бойкота для Германии были особенно ощутимы), системы студенческих поездок⁵¹, а также конгрессов, экспедиций и стажировок уже состоявшихся ученых⁵². В условиях затрудненных или запаздывавших контактов на уровне публикаций, на первый план в 1920–1930-е гг. по эффективности выходит именно научная командировка в центры становящихся новых школ и направлений (атомной физики и т.д.). Вместо прежней роли вспомогательного средства повышения квалификации и пути расширения кругозора (будущего или настоящего) университетского преподавателя, заграничная командировка становится — особенно для относительно периферийных прежде сообществ — значимым фактором научной инновации. На это указывал совсем незадолго до решающих перемен в жизни Академии С.Ф. Ольденбург в отправленной из Парижа Е.П. Воронову записке «О международных научных сношениях и их организации» от 17 июня

⁵¹ Много ценной информации о контактах советских ученых в послереволюционный период содержит монография: *Иоффе А.Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры, 1917–1932. М., 1975. Важную роль в послевоенном восстановлении системы академических связей должен был сыграть студенческий обмен и созданная в Германии специальная служба DAAD, не распространявшаяся, однако, на СССР; см.: *Космач В.А.* Внешняя культурная политика Германии в годы Веймарской республики. Минск, 1994. С. 104–110; *Laitenberger V.* Organisations- und Strukturprobleme der auswärtigen Kulturpolitik und akademischen Austauschs in der zwanziger und dreissiger Jahren // *Düwell K., Link W.* Deutsche auswärtige Kulturpolitik seit 1871. Köln; Wien, 1981. S. 72–96.

⁵² О политическом и идеологическом использовании института академических обменов и стажировок до Первой мировой войны, особенно в германо-американских отношениях см.: *Brocke B. vom.* Internationale Wissenschaftsbeziehungen und die Anfänge einer deutschen auswärtige Kulturpolitik: Der Professoren-austausch mit Nordamerika // *Hg B. vom Brocke.* Wissenschaftsgeschichte und Wissenschaftspolitik im Industriezeitalter. Das «system Althoff» in historische Perspektive. Hildesheim, 1991. S. 181–242. Именно ситуация противостояния основных «игроков» научного рынка позволила выдвинуться в межвоенной ситуации на первый план таким центрам, как Копенгаген, или конференциям, вроде Сольевевских конгрессов.

1929 г.: «Редкость приездов наших ученых теперь за границу вызывает здесь полное недоумение и искреннее огорчение. Для нас, для нашей работы это тягчайший удар, ибо при отсутствии у нас значительной части выходящих за границу научных книг заграничные поездки были для советских ученых единственным способом не отставать от науки. На заграничные поездки должно быть обращено исключительное внимание, ибо без них мы останемся в хвосте у всех»⁵³. Именно поэтому государство в СССР начинает особенно пристально контролировать этот ранее достаточно автономный, «внутринаучный» механизм (включая и выезды на конгрессы и конференции)⁵⁴.

Когда после окончания Гражданской войны научная командировка за рубеж постепенно перестала быть чем-то чрезвычайным, начался процесс упорядочения дела заграничных командировок как одного из инструментов государственного регулирования научной деятельности. Решающую роль в деле выезда за границу во второй половине 1920-х гг. играла секретная Комиссия по выездам за границу, работавшая при ЦК РКП(б)–ЦК ВКП(б) и состоявшая из представителей ЦК, ЦКК и иностранного отдела ОГПУ⁵⁵ (до этого — в 1922–1923 гг. — вопрос о выезде за границу решался непосредственно Всероссийской чрезвычайной комиссией)⁵⁶. С самого начала комиссия руководствовалась следующими установками: «1) сведение командировок к действительно необходимому минимуму; 2) повышение дело-

⁵³ Организация советской науки в 1926–1932 гг. С. 384.

⁵⁴ В качестве некоторого прообраза этой командировочной политики стоит учитывать реализованный в 1911–1914 гг. проект Л.А. Кассо о преимущественно заграничной подготовке будущих профессоров российских университетов в специальных институтах при ведущих западных университетах (Париж, Берлин, Тюбинген, Карлсруэ, Лейпциг). См.: РГИА. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 24, 25, 26. Этот составленный после увольнения массы преподавателей Московского университета охранительный проект вызвал в 1911 г. ожесточенную критику как в левых и либеральных, так и в правых, националистических кругах. В целом доля командированных за рубеж в общем числе готовившихся к профессорскому званию лиц колебалась в России начала XX века около 10–15 %. См. таблицу по годам: *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. С. 211.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 68. Л. 34. Подробнее о системе командировок и разрешений: Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. С. 163–171.

⁵⁶ Там же. Оп. 85. Д. 650. Л. 130.

вой и политической квалификации командируемых; 3) определение действительного срока временных командировок»⁵⁷. Эффективность командировок (помимо их научной значимости) с самого начала рассматривалась двояко — с точки зрения политической целесообразности и в плане экономии валютных средств. Комиссия по выездам при ЦК открыто декларировала идеологический характер разрешения командировок, поскольку на запросы от Наркомпроса обычно давалось наибольшее число отказов из-за недостаточного количества среди кандидатов на поездку членов ВКП(б).

Нужно отметить, что немаловажную финансовую помощь работа советских ученых — главным образом физиков и биологов — в университетах Германии и других стран получила со стороны Рокфеллеровского фонда⁵⁸. Во многом благодаря этим командировкам, полученным при содействии П. Эренфеста и А.Ф. Иоффе, был обеспечен «рывок» советской школы в физике, занявшей видное место в общем развитии этой дисциплины (особенно по сравнению с отечественной физикой начала века)⁵⁹.

В смысле соотношения приоритетов для поездок в общем списке запрошенных командировок по наркоматам в 1924–1925 гг. Германия количественно преобладает (примерно в два раза больше заявок, чем на поездки во Францию и Англию вместе взятые). В списке планов загранкомандировок Наркомпроса на 1927 г. из 62 командировок (в том числе в несколько стран одновременно) 52 приходится на Германию, 22 — на Францию⁶⁰.

Во второй половине 1920-х гг. среди инстанций, ведавших делом заграничных командировок, помимо НКВД, также заметно возросло влияние ОГПУ и его Иностранного отдела, представители которого возглавляли и Комиссию ЦК по выездам (Трилиссер, Угаров). ИНО ОГПУ в январе 1927 г. санкционировал совместные советско-германские научные экспедиции на Алтай, в Бурят-Монгольскую АССР и

⁵⁷ Там же. Д. 650. Л. 127.

⁵⁸ *Кожевников А.Б.* Филантропия Рокфеллера и советская наука // ВИЕТ. 1993. № 2; *Solomon S.G., Kremensov N.* Giving and Taking across Borders. The Rockfeller Foundation and Russia, 1919–1929 // *Minerva*. 2001. Vol. 39. № 3. P. 265–298.

⁵⁹ *Френкель В.Я., Джозефсон П.* Советские физики — стипендиаты Рокфеллеровского фонда // *Успехи физических наук*. 1990. Т. 160; *Гамов Г.А.* Моя мировая линия: Неформальная автобиография / Пер. с англ. М., 1994. С. 49–58.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Д. 650. Л. 96; Д. 658. Л. 356–357.

запланированную на 1927–1928 гг. экспедицию по изучению финно-угорских народностей, а также рассматривал персональный состав их участников⁶¹. Именно ИНО ОГПУ проверял предварительно каждую командировку (хотя не всегда его резолюция являлась окончательной), и возникавшие в связи с этим проволочки и задержки зачастую приводили к срыву участия ученых СССР в международных конгрессах из-за опозданий к началу их работы⁶². Помимо непосредственного влияния государственных органов, немаловажную роль в научных контактах с заграницей играл также ВОКС — Всесоюзное общество по культурным связям с заграницей, при формальной независимости, безусловно, реализовывавшее принципы государственной политики⁶³. В общем, государственное воздействие в сфере командировок было гораздо более комплексным и важным, чем простая процедура «фильтрации».

Окончательная советизация Академии наук вместе с разворачиванием осенью 1929 г. так называемого «академического дела» подвела черту под предыдущим «послереволюционным» развитием научной жизни в СССР, что не могло не сказаться на сворачивании международных связей ученых. Постепенное сокращение контактов с Германией, которая до этого была (точнее оставалась с дореволюционных времен) особенным партнером в научных делах, и практически полное их прекращение после 1933 г. не было компенсировано налаживанием связей с Англией, Францией или США. На повестке дня стояло укрепление бурно и экстенсивно развивавшейся собственно советской науки под прямым государственным патронажем⁶⁴.

* * *

Характеризуя послевоенную ситуацию в сравнительном аспекте, в целом можно констатировать, что российские ученые в течение 1920-х гг. гораздо охотнее, чем исследователи стран, ранее входив-

⁶¹ См.: ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 5. Д. 17. Л. 68; Д. 11. Л. 5–5об.

⁶² См. пояснения помощника начальника ОГПУ Угарова в письме Н.П. Горбуну от 20 июля 1928 г.: ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 3. Д. 28. Л. 15.

⁶³ *David-Fox M. From Illusory «Society» to Intellectual «Public»: VOKS, International Travel and Party-Intelligentsia Relations in the Interwar Period // Contemporary European History. 2002. Vol. 11. № 1. P. 7–32.*

⁶⁴ Апофеозом стала идеологическая кампания против известного математика Н.Н. Лузина и «преклонения перед Западом», развязанная в 1936 г. в «Правде» и поддержанная рядом его учеников. Дело академика Николая Николаевича Лузина / Отв. ред. С.С. Демидов и Б.В. Левшин. СПб., 1999.

ших в Антанту, шли на контакты и совместные разработки с немецкими коллегами⁶⁵. Достаточно ли усмотреть причину такой «германофилии» в прежней тесной связи русской науки именно с немецкой традицией?⁶⁶ Скорее, российские ученые руководствовались прагматическими соображениями: в условиях политической изоляции (до середины 1920-х гг.) *любые* контакты по восстановлению прежнего уровня и характера научных исследований, даже с прежними противниками, воспринимались как допустимые и абсолютно оправданные. Тем более, что бедствия Гражданской войны и разрухи для ученого мира России были гораздо более чувствительны и очевидны, чем неприязнь и обиды 1914–1915 гг. И здесь «транснациональная» идеология науки как таковой, совершенно независимой от государственно-национального контекста происхождения, также снимала для российских исследователей вопрос о необходимости *выбирать*, например, между сотрудничеством с немецкими — или французскими (английскими) коллегами. Кроме того, можно отметить определенную близость идеологического и даже отчасти социально-психологического положения академической интеллигенции в России и Германии после революционных потрясений 1917–1918 гг. В том и ином случае она отнеслась к окружающим преобразованиям скорее настороженно или даже враждебно, по своим установкам тяготела скорее к консерватизму и склонна была критически относиться к новым — советским или веймарским порядкам⁶⁷. Вместе с тем, русская научная общественность все же была в целом ориенти-

⁶⁵ Конечно, не безоговорочно: степень участия и роль немецких коллег устанавливалась в 1920-е гг. советской стороной именно как паритетная или вспомогательная, но не более. См: Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. С. 311–312.

⁶⁶ См. в этой связи о «немецкости» Академии наук: *Старостин Б.А.* Петербургская академия наук в поисках национальной самоидентификации // Российская Академия Наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 259–321.

⁶⁷ См. о противостоянии академического сообщества попыткам реформ в Веймарский период или контроля над выделением средств на науку со стороны фракции СДПГ в Рейхстаре: *Müller G.* Weltpolitische Bildung und akademische Reform. Carl Heinrich Becker Wissenschafts- und Hochschulpolitik 1908–1930. Köln; Weimar, 1991. S. 224–334 (Гл. 7, 8); *Schröder-Gudehus B.* The Argument for the Self-Government and Public Support of Science in Weimar Germany // *Minerva*. 1972. № 10. P. 560–567. О позиции большевиков и «старой» академической интеллигенции: *David-Fox M.* Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca; London, 1997; Наука и кризисы. Ис-

рована скорее леволиберально (относительно «мандаринской» идеологии согласно Ф. Рингеру⁶⁸, разделяя свойственную отечественной интеллигенции этику социальной ответственности, убеждение в необходимости приносить пользу своему народу.

Рост специализации, интенсификация и соответственно удорожание экспериментального оборудования (и организационной подготовки) фундаментальных научных исследований в процессе становления неклассического естествознания первой трети XX в. помимо прочих идеологических факторов активно подвигали ученых ориентироваться именно на *свое* государство как на естественного и необходимого партнера, союзника и покровителя. В ходе и после Первой мировой войны государство в большинстве стран становится главным организатором (пускай даже в роли «нежеланного патрона») научной жизни⁶⁹. Именно поэтому представления о государстве, как главном и, по сути, единственном агенте, определявшем новый характер советской науки по сравнению с дореволюционным периодом, нуждаются, во-первых, в дополнении компаративным анализом моделей межвоенной научной политики других стран и, во-вторых, в учете трансформаций самого академического сообщества⁷⁰. Детальное изучение Д.А. Александро-

торико-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 357–549, 577–664 (гл. 8, 9, 12, написанные Э.И. Колчинским).

⁶⁸ *Ringer F.* The Decline of German Mandarine. The German Academic Community, 1890–1933. Cambridge (Mass.), 1969. См. также перевод отрывков из книги Рингера в журнале «Новое литературное обозрение» (№ 53 / 2001. № 1/) вместе со статьями Д.А. Александрова, В.М. Алпатова и М.А. Робинсона, рассматривающими близкие подходу Рингера сюжеты на русском материале.

⁶⁹ Непосредственной причиной заинтересованности в науке были, конечно, нужды военного времени — в новых средствах ведения боевых действий и обороны, связи, медикаментах и т.д. См. общий очерк: *Hartcup G.* The War of Inventions. Scientific Development 1914–18. London, 1988.

⁷⁰ Специфику представлений немецкого академического сообщества о международном характере науки и использовании науки как замены утраченной военно-политической мощи см.: *Forman P.* Scientific Internationalism and the Weimar Physicists: the Ideology and Its Manipulation in Germany after World War I // *ISIS*. Vol. 64. 1973. S. 151–180. (Для сравнения по довоенной ситуации см.: *Bruch R.* Vom. Weltpolitik als Kulturmission. Auswärtige Kulturpolitik und Bildungsbürgertum in Deutschland am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Paderborn, 1982.) Для российской (советской) науки наиболее развернутый анализ см.: *Kojevnikov A.* The Great War, the Russian Civil War, and the invention of big science // *Science in Context*. 2002. Vol. 15, № 2. June. P. 239–275.

вым причин отказа отечественных исследователей от печатания за границей в 1920–1930-е гг. показывает, что ориентация на самодостаточную советскую науку была не только государственным императивом, но также и ставкой более молодого и амбициозного поколения ученых, обязанных своей карьерой уже новой социально-политической системе. «Обычное» поколенческое столкновение молодых аспирантов и исследователей послереволюционного призыва с поколением учителей с их европейским образовательным уровнем, системой личных связей и иноязычных публикаций неизбежно обрело с подачи первых идеологизированные и более-менее изоляционистские черты⁷¹. Очевидна переключка этого тезиса о поддержке курса на самодостаточность наименее привилегированными слоями научными работниками с более общим тезисом о социальной, а не только «тоталитарно»-политической природе культурной революции в СССР, выдвинутой еще в 1970-е гг. Шейлой Фицпатрик и ее учениками⁷². Стоит обратить особое внимание на то, что если в победивших европейских странах более молодые ученые середины 1920-х гг. в целом были настроены более интернационалистски (по сравнению с воевавшими «отцами»)⁷³, то и в Советской России и в Германии, напротив, значимая прослойка младшего поколения академического корпуса склонялась в начале 1930-х гг. к изоляционизму и радикализму соответственно левого и правого толка — против этаблированного и еще недостаточно «государственно мыслящего» научного истеблишмента⁷⁴. Активное вмешательство политической власти в сферу научного исследования и планирования было частью общего процесса огосударствления социальной жизни

⁷¹ Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 3–24.

⁷² Fitzpatrick Sh. Cultural Revolution as Class War // Cultural Revolution in Russia / Ed. by Sh. Fitzpatrick. 1918–1931. Bloomington, 1984. P. 8–40.

⁷³ На это обращает внимание А. Кок: Cock A. Chauvinism and Internationalism in Science: The International Research Council, 1919–1926 // Notes and Records of Royal Society, London. 1983. Vol. 37. № 2. P. 275–277.

⁷⁴ Эту тенденцию еще для немецкой довоенной ситуации отметил К. Ярауш: Jarausch K. Students, Society and Politics in Imperial Germany. The Rise of Academic Liberalism. Princeton, 1982. P. 399–425. Об установках «красного студенчества» в СССР в 1920–1930-е гг.: Halfin E. From Darkness to Light: Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburg, 2000 (в особенности главы 4 и 5).

западных обществ (включая и Россию), — процесса, инициированного Первой мировой войной, но продолжившегося и в менее чрезвычайной форме в послевоенный период⁷⁵. Становление целенаправленной государственной научной политики, реформирование академической системы и, соответственно изменение, социальной роли ученого были тесно связаны друг с другом⁷⁶. В рамках этого эпохального поворота советский вариант развития предусматривал авторитарно-мобилизационное разрешение задач модернизации, не в последнюю очередь — как в самой области научного знания, так и более широко — за счет средств и ресурсов науки⁷⁷. Превращение СССР и США после Первой

⁷⁵ Показательна в этом процессе сворачивания европейского академического рынка смена функций социально-научной эмиграции, весьма важного института общероссийской интеллектуальной эволюции, — от интернациональной и открытой лаборатории левой и либеральной мысли в начале XX века к евразийскому или неовеховскому изоляционизму межвоенного периода. См. подробнее: *Дмитриев А.Н.* Национализация науки и фактор эмиграции: русские гуманитарии в Германии (1920–1930-е гг.) // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 211–256.

⁷⁶ См.: *Szöllösi-Janze M.* Der Wissenschaftler als Experte: Kooperationsverhältnisse von Staat, Militär, Wirtschaft und Wissenschaft, 1914–1933 // *Geschichte der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Nationalsozialismus* / Hg. D. Kaufmann Göttingen: Wallstein, 2000. S. 47–64; *Idem.* Die institutionelle Umgestaltung der Wissenschaftslandschaft im Übergang vom späten Kaiserreich zum Weimarer Republik // *Wissenschaften und Wissenschaftspolitik: Bestandsaufnahmen zu Formationen, Brüchen und Kontinuitäten im Deutschland des 20. Jahrhunderts* / Bruch R. vom, Kaderas B. Stuttgart, 2002. S. 60–74; *Johnson J.A.*; *MacLeod R.M.* War Work and Scientific Self-Image. Pursuing Comparative Perspectives on German and Allied Scientists in the Great War // *Ibid.* S. 169–179. Для Франции см.: *Hanna M.* The Mobilisation of Intellect: French Scholars and Writers during the Great War. Cambridge (Mass.), 1996. P. 177–193 и заключение, а также *Picard F.*, *Produra E.* La longue marche vers de CNRS (1901–1945) // *Cahiers pour l'histoire du CNRS, 1939–1989*. 1988. № 1. P. 7–39; для Англии: *Alter P.* The Reluctant Patron: Science and State in Britain 1850–1920. Oxford; New York, 1987. P. 191–213; *Vernon K.* Science and Technology // *The First World War in British History* / Ed. by St. Constantine etc. London, 1995. P. 81–105; для Соединенных Штатов: *Kevles D. J.* George Ellery Hale, The First World War and the Advancement of Science in America // *ISIS*. 1968. Vol. 59. Winter. № 4. P. 431 и след; *Tobey R.* The American Ideology of National Science. [Pittsburgh], 1971. P. 20–61.

⁷⁷ *Александров Д.А.*, *Колчинский Э.И.* Наука и кризисы XX века: Россия, Германия и США между двумя мировыми войнами // *Наука и безопасность*

мировой войны в страны первостепенной значимости на международной арене также включало признание роста их научных потенциалов, а значит и вмешательство этих сил в прежний почти исключительно немецко-англо-французский европейский концерт мировой науки⁷⁸. Одним из главных итогов Первой мировой войны было изменение состава ведущих научных держав мира, конец уникального и практически лидерского положения немецкой науки, достигнутого впечатляющим «рывком» второй половины XIX в.⁷⁹ Несомненный рост удельного веса советской науки относительно прежнего периода, интенсификация и специализация исследований были помимо прочего также и реализацией заложенных в период войны тенденций демократизации и социализации науки, общих для всех стран и академических сообществ. Этот парадокс войны, которая наряду с разрушением, неожиданно выявляет важные прогрессивные, в том числе и организационные начинания, отметил еще в начале 1917 г. В.И. Вернадский⁸⁰. Советский путь может рассматриваться как крайнее выражение этих усилий по государственной мобилизации науки; и этот путь наглядно выявил превращение этих общецивилизационных (на коротком, но важном историческом этапе) факторов роста в установки, в конечном итоге сдерживающие научное развитие.

России. М.: Наука, 2000. С. 288–325. См. также чрезвычайно важную обобщающую статью Ст. Коткина, опубликованную также в журнале «Kritika»: *Коткин Ст.* Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // М. Фуко и Россия. СПб., 2001. С. 239–315 (и близкие по духу новейшие исследования П. Холквиста).

⁷⁸ На примере интернационального фона инноваций в гуманитарной науке 1920-х гг. см. наш анализ русского формализма: *Dmitriev A.N.* Le context europeenne du formalisme russe // *Cahiers du Monde Russe, Sovietique et Post-Sovietique*. 2002. № 3. P. 120–139. О научных связях Франции и Германии послевоенного времени см. также статьи в сборнике: *Entre Locarno et Vichy. Les relations culturelles franco-allemandes dans les années 1930* / Sous dir. Bock H.-M. etc. Paris; CNRS, [1995]. Vol. 1–2 (статьи о взаимоотношениях историков, немецком контексте школы «Анналов», германистах и романистах двух стран и т.д.).

⁷⁹ *Gizycky R.* Centre and Periphery in the International Scientific Community: Germany, France and Great Britain in the 19th Century // *Minerva*. Vol. XI. № 4. October 1973. P. 474–494, особенно P. 479–480.

⁸⁰ *Вернадский В.И.* Публицистические статьи. М., 1995. С. 199–207, 241–251 (ст. «Война и прогресс науки», «Задачи науки в связи с государственной политикой в России»).

Наука в ходе войны решающим образом изменила свой социальный облик, институциональное обеспечение и интернациональное устройство. Государственная централизация и бюрократизация научной деятельности, вместе с приоритетным развитием прикладного аспекта исследовательской работы, стала решающим фактором в форсированном переходе от космополитического, «наднационального» понимания научного творчества к формированию под патронажем политической власти самодостаточных сообществ в каждой из академических дисциплин⁸¹. «Интернационализм патриотов»⁸² университетской (и преимущественно европейской) «республики ученых» предвоенного периода уступал место государственно регулируемому взаимодействию исследователей, определяемых в первую очередь в качестве представителей собственных наций, дисциплин и национальных научных школ.

⁸¹ Crawford E. Nationalism and Internationalism in Science, 1880–1939. Four Studies of the Nobel Population. Cambridge (Mass.), 1992. (Чап. 3: Internationalism in Science as a Causality in World War I. P. 49–78); о росте технологического и экономического потенциала науки в тот период см.: MacLeod R., MacLeod K. The Social Relations of Science and Technology, 1914–1939 // The Fontana Economic History of Europe. Vol. 5. London, 1976. P. 301–363.

⁸² По выражению Б. Шредер-Гудехус: Schröder-Gudebus B. Division of Labor and the Common Good: The International Association of Academies, 1899–1914 // Science, Technology and Society in the Time of Alfred Nobel / Eds. C.G. Bernhard, E. Crawford, P. Sörbom. Oxford, 1982. P. 14–16.